

Глава II

ПУТЬ ТЕРРОРА

Конец Рады
Опричнина надвигается
Странное учреждение
Опасные заговорщики или невинные
жертвы?
Зигзаги царской политики
Новгородский погром
Розыск продолжается
Крах опричнины

Так в чем же дело?
Немного о боярах
Не против бояр
Объективные результаты
Средства изменяют цель
Последствия ближайшие и
отдаленные
Иван - верноподданный Симеона
Последние годы

КОНЕЦ РАДЫ

В 1560 году правительственный кружок Сильвестра и Адашева был устранен от власти, а сами его деятели оказались в опале. Этот разрыв царя с советниками только подвел черту под давними разногласиями и взаимными неудовольствиями. Первые предвестники охлаждения обозначились в 1553 году. В марте царь тяжело заболел; кто знает, что это была за болезнь, известно лишь, что она была “*тяжка зело*”. Казалось, молодой государь умирает. Встал вопрос о наследнике. Царь к тому времени был отцом единственного сына - Дмитрия (впоследствии то же имя получит последний сын Ивана IV - несчастный царевич, погибший в Угличе ребенком почти через 40 лет), первенца, которому было всего около пяти месяцев от роду. Царь Иван хотел, чтобы бояре присягнули как наследнику именно Дмитрию. Однако среди приближенных началось брожение.

Известия об этих спорах “у постели” царя Ивана крайне разноречивы и тенденциозны. В официальной летописи рассказ об этих событиях дважды редактировали. Кто бы ни был этим редактором (высказывалось предположение, что сам царь), он действовал в полном согласии с волей Ивана IV, по его поручению. А от редакции к редакции меняются позиции некоторых придворных, да и обстоятельства споров излагаются по-разному. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, был ли это боярский “мятеж”, как потом утверждал царь Иван, острый спор или просто какие-то разговоры, о которых царю стало известно впоследствии.

Похоже, что последнее предположение ближе к истине. Дело в том, что через год с небольшим после царской болезни в Великое княжество Литовское задумал бежать один из участников этих споров князь Семен Ростовский. Он был арестован, оправдывался “*малоумством*”, и “*скудотой разума*”, а затем признался, что, как и многие бояре, был против присяги царевичу Дмитрию и за то, чтобы наследником стал старицкий князь Владимир Андреевич. Бежать же он надумал, поскольку испугался, что не удастся это “*дело укрыть*”. Выходит, только тогда до царя дошли сведения о боярских спорах.

Самым печальным для царя было то, что среди тех, кто поддерживал кандидатуру Владимира Андреевича и сомневался, присягать ли “*пеленочнику*”, были и некоторые деятели Избранной рады. Так, Сильвестр, хотя и не выступал прямо за то, чтобы Владимир Андреевич стал наследником, все-таки защищал его, ибо он у старицкого князя “*советен и в велицей любви бысть*”. Отец Алексея Адашева боярин Федор Григорьевич, согласно официальной летописи, говорил царю, что хотя он и поцеловал крест царевичу Дмитрию, но все же испытывает сомнения: “*...сын твой, государь наш, ещо в пеленицах, а владети нам Захарьиным, Данилу збратию. А мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия*”.

Казалось, инцидент был исчерпан: все в конце концов присягнули младенцу царевичу, включая и самого князя Владимира Андреевича, царь выздоровел, а сам царевич не дожил до года: летом кормилица уронила его в реку, когда входила с ним на царское судно при поездке на богомолье. Колебавшиеся не только не пострадали, но многие вскоре даже получили повышения по службе. Но осадок остался, и мусть от него поднялась со дна несколько лет спустя.

Через 11 - 12 лет после своей болезни Иван Грозный в послании Курбскому писал, что те, кого Курбский называет его “*доброхотами*”, во время царской болезни вместе с Сильвестром и Адашевым “*возшатаяся яко пиянии*” и, забыв царские благодеяния, “*младенца... нашего... хотеши подобно Ироду погубити...воцарив князя Володимера*”. А еще позднее, в

другом послании Курбскому снова обвинял: *“А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми известъ?”*

Взрыв в отношениях царя с его советниками произошел около 1560 года. Тогда пало правительство Избранной рады. Сильвестра постригли в монахи, отправили сначала в Кирилло-Белозерский, а потом еще дальше - в Соловецкий монастырь. Иван Грозный очень гордился тем, что не казнил Сильвестра и даже оставил на свободе его сына, с тем лишь, чтобы тот не видел царского лица, не бывал при дворе. Алексей Адашев и его брат Данило были посланы на службу в Ливонию, где шла тогда война. Вскоре туда прибыли люди для их ареста. Алексея в живых уже не застали: должно быть, сердце не выдержало тяжелых переживаний, связанных с падением Избранной рады. Данило же был заключен в тюрьму и через два-три года казнен.

В чем же причины такой резкой смены правительства? Нередко утверждают, что расхождения между Иваном IV и Избранной радой лежали прежде всего в области внешней политики, что правительство Адашева и Сильвестра настаивало, чтобы после взятия Казани и Астрахани продолжать действия на этом же, юго-восточном, направлении: вести войну против Крыма, а в перспективе и против Турции. Потому якобы эти деятели были против Ливонской войны, которую с 1558 года вела Россия против владевшего Прибалтикой Ливонского ордена. Откуда идут сведения об этих расхождениях? Исключительно от самого царя Ивана.

Так, в 1563 году русскому послу было приказано сообщить крымскому хану, что *“ближние люди”* - Иван Шереметев, Алексей Адашев и Иван Висковатый - *“ссорили”* Ивана IV с ханом, и он *“ради того сыскал и опалу свою на них положил”*. (Заметим, что И.М. Висковатый после этого еще около семи лет возглавлял русскую внешнюю политику.) В посланиях же Курбскому царь Иван обвинял Сильвестра и Адашева в том, что они выступали против Ливонской войны и в *“супротисловии”*.

Однако факты говорят иное. В 1558 году, когда началась Ливонская война, именно Адашев был реальным руководителем внешней политики (Висковатый - его подчиненный), именно Адашев вел те переговоры с ливонскими послами, срыв которых привел к началу военных действий. Иван Грозный впоследствии обвинял Адашева в том, что по его инициативе было заключено перемирие с Ливонским орденом, которое дало противнику возможность оправиться от поражений. Когда результаты известны, всегда легко обвинить в злонамеренности того, кто совершил ошибку. Еще легче и приятнее списать свою ошибку на другого: ведь перемирие не могло быть заключено без санкции царя, а он был мастером перекладывать ответственность на чужие плечи.

Наконец, еще одно соображение: Адашев и Сильвестр, умные и одаренные политики, разумеется, могли через некоторое время после начала конфликта с Ливонией, когда стало ясно, что Великое княжество Литовское и Польша будут в этой войне противниками России, убедиться в бесперспективности этой войны (что было правдой) и советовать царю найти пути, чтобы с честью выпутаться из тяжелой ситуации.

Они могли выступать против авантюризма в ведении Ливонской войны. Ведь война эта к тому же была, видимо, непопулярна. Свидетельство - фольклор. Он часто поминает взятие Казани, в нем народ видел основную заслугу Ивана Грозного; но ни в одной песне нет ни слова о Ливонской войне.

Однако защита умеренности в проведении политики на западе не означает обязательно стремления к активности на юге и востоке. Чувство реальности вряд ли позволило бы Сильвестру и Адашеву настаивать на продолжении на юг прежнего восточного направления внешней политики. Они должны были не хуже позднейших историков знать, что за спиной крымского хана стояла могучая Османская империя, одна из самых сильных военных держав мира. Только оборона, - никаких наступательных действий против Крыма - этот вариант внешнеполитической ориентации был единственно возможным. Недаром в посланиях Курбскому царь Иван не решился повторить ложь о том, что Адашев ссорил Россию с крымским ханом, а обвинял своих прежних советников лишь в сопротивлении западному варианту внешней политики.

Чтобы разобраться в причинах падения Избранной рады, обратимся сначала к двум самым осведомленным, хотя и не самым объективным свидетелям: Ивану IV и Курбскому. Удивительно: расходясь в оценках фактов, эти два противника сходятся в самих фактах.

Иван Грозный связывает свой разрыв с советниками со смертью первой жены - царицы Анастасии, прямо обвиняя вчерашних временщиков в убийстве: *“А и з женою вы меня про что разлучили? Толко бы вы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы (жертв свирепому древнегреческому богу времени - Хроносу. - В. К.) не было”*. В другом же послании царь обвиняет своих противников в том, что они желали смерти Анастасии и сравнивали ее с Евдоксией, византийской императрицей, гонительницей одного из “отцов церкви” - Иоанна Златоуста.

В свою очередь Курбский в “Истории о великом князе Московском” говорит, что еще при жизни Анастасии ее братья *“клеветаша”* на Сильвестра и Адашева и *“во уши шептаху заочне”* доносы (*“сикованции”*) и обвинения против них. Он гневно называет Захарьиных *“нечестивыми губителями тамошнего царства”*. После смерти Анастасии они же обвинили Сильвестра

и Адашева в том, что царицу “счеровали (околдовали. - **В. К.**)... оные мужи”. Видимо, эти обвинения побудили Эйзенштейна ввести в свой фильм эпизод, в котором специалист явно ощутит фальшь: зловещая старицкая княгиня Ефросинья (С. Бирман) подсыпает яд очаровательной царице Анастасии (Л. Целиковская).

На чем могли основываться обвинения в околдовывании или отравлении Анастасии? Заметим, что царь Иван обвинял Сильвестра и Адашева не только в смерти Анастасии, но и в пренебрежении к ней. В плохих отношениях с деятелями Избранной рады были родственники Анастасии - Захарьины, что ярко проявилось в дни болезни царя. Мелкие неудовольствия и придворные ссоры между Захарьиными и временщиками после смерти царицы, должно быть, приобрели в глазах царя зловещий оттенок. Ведь смерть близкого человека всегда заставляет вспоминать и свою вину перед ним, и вины окружающих. Что же касается царя Ивана, то он всегда особенно охотно припоминал чужие вины. То, что казалось нормальным, когда речь шла об общении с живым человеком, воспринималось совсем по-другому, когда близкого уже нет в живых. Импульсивная натура царя Ивана могла гипертрофировать эти события.

Однако раздоры из-за Анастасии, видимо, стали лишь последней каплей в разладе между царем и советниками. Именно охлаждение в отношениях, разочарование в Сильвестре, Адашеве и других деятелях правительственного кружка могли заставить Ивана IV поверить вздорным обвинениям. Между ними и царем возникла психологическая несовместимость. И Адашев, и Сильвестр, и их сподвижники были людьми очень властными, с сильной волей. Но крайне властолюбив был и царь Иван. Как человек, легко поддающийся впечатлениям, быстрый в переходах от симпатии к антипатии, царь Иван мог какое-то время терпеть подчинение чужой воле, находя даже в нем своеобразную прелесть: так-де я самовластен, что могу даже себе позволить слушаться советов подданных.

Недаром временщик - постоянный спутник диктатора.

Но потому он и временщик, что его со временем меняют на нового.

Иван легко и быстро привязывался к людям, но так же легко расправлялся со вчерашними любимцами, и тем более жестоко, чем больше был к ним привязан прежде. Должно быть, Адашев и Сильвестр переоценили свое влияние, не заметили того рокового момента, с которого царь стал подчиняться им со все большей неохотой. И тогда привязанность царя к своим советникам превратилась в жгучую ненависть.

Курбский рассказывает, что один из монахов, Вассиан Топорков, нашептал царю Ивану на ухо совет: не держи около себя “*советника ни единого мудрейшего собя, понеже сам еси всех лутшии*”. Трудно сказать, дал

ли действительно Вассиан этот совет царю, но главное состоит в том, что Грозный вряд ли нуждался в таком совете. Как и большинство деспотов, он и без того следовал этому правилу. Другое дело, что не все властолюбцы имеют возможность казнить тех, кто умнее их, а бывают вынуждены просто отправлять их в отставку, подчас даже почетную, награждая орденами, чинами, титулами. Как-то было замечено, что английский король Генрих VIII (современник Грозного) полагал, что уволить министра можно, только отрубив ему голову. Его же наследники сообразили: достаточно и простой отставки. Царь Иван тоже был убежден, что единственный, или во всяком случае лучший, способ удалить от себя приближенного - казнить его, в крайнем случае, из особой милости - отправить в пожизненное заточение в монастырь.

Но и этот психологический конфликт между царем и Избранной радой был только следствием другого, более существенного конфликта - между разными представлениями о методах централизации страны.

Структурные реформы, которые проводило правительство Избранной рады, как и всякие структурные реформы, шли медленно, их плоды созревали не сразу. Нетерпеливому человеку (а царь Иван был нетерпелив) в таких обстоятельствах обычно кажется, что и результатов-то никаких нет, что ничего и не сделано. Ускоренный путь централизации в условиях России XVI века был возможен только при использовании террора. Кто знает, не общая ли это закономерность, действующая в условиях разных социально-экономических формаций? На печальном опыте своей недавней истории мы убедились, как жестко оказались связаны ускоренная индустриализация и сталинский террор. Но вернемся в более далекие времена.

Ускоренная централизация требовала террора прежде всего потому, что еще не был сформирован аппарат государственной власти. В годы правления Избранной рады суд кормленщиков на местах был заменен управлением через выборных из местного населения. Но выполняющие свои управительские функции “на общественных началах” и фактически из-под палки губные и земские старосты - это еще не аппарат власти. Центральная власть была еще очень слаба, не имела своих агентов на местах.

Как так, слышу я возражения, это власть-то Ивана Грозного слаба? Чья же власть тогда сильна? Дело в том, что часто путают силу власти и ее жестокость. На самом же деле они противоречат друг другу. Сильная власть не нуждается в жестокости. Жестокость, террор - показатель слабости власти, ее неумения добиться своих целей обычными путями, то есть компенсация слабости. Вместо длительной и сложной работы по созданию государственного аппарата царь Иван пытался прибегнуть к самому “простому”, наиболее понятному методу: не делают то, что надо? - Приказать. Не слушаются? - Казнить. Чему удивляться, если даже в наше

просвещенное время очень многие тоскуют по командно-репрессивным методам, наивно полагая, что если расстрелять 20 и посадить 200 жуликов из торговой сети, то все остальные немедленно начнут честную жизнь. Тем более понятен такой ход мыслей для людей средневековья. Но этот путь террора, который только и позволял надеяться на быстрые результаты, был неприемлем для деятелей Избранной рады.

Нет, они не были, конечно, тихими интеллигентами-просветителями, стремившимися лаской привлекать сердца подданных. Суровость и более того - жестокость наказаний вполне уместались в систему ценностей века. Людей вешали даже по подозрению в разбое, а признание добывали при помощи страшных пыток, официально узаконенных. Единственным видом тюремного заключения считалось пожизненное. От служилых людей требовалось беспрекословное повиновение. Суровый и непреклонный Адашев не был добреньким. Но все же не массовый террор, не атмосфера всеобщего страха и массового доноительства, а жесткое и по сегодняшним меркам, быть может, жестокое наказание виновных. Но только виновных! Вот что характеризовало правление Избранной рады.

Отсюда вытекает и сопротивление Сильвестра и Адашева тем или иным начинаниям царя и упорство в проведении в жизнь собственных предначертаний. Так столкнулись две силы, два властолюбия. Увы, властолюбивый подданный не может надеяться на победу в конфликте с властолюбивым монархом. Конфликт разрешился падением Избранной рады.